

Глава 15. Счастливые дни

Гао Нин внезапно подался вперед. Я инстинктивно отшатнулся, поймав в его узких, лихорадочно блестящих глазах какой-то опасный огонек.

— У тебя еще молоко на губах не обсохло, а ты уже в любовь играть вздумал? — прошипел он, больно дернув меня за ухо. — Даже не надейся, что я стану тебя прикрывать.

Он выглядел так, словно разочаровался в лучшем друге, решившем податься в дезертиры. Я оттолкнул его руку, не зная, злиться мне или смеяться. Надо же, обнаружил в наших рядах «стукача»! Моя «розовая весна» еще и на пороге не показалась, а Гао Нин уже вовсю нагонял ледяную стужу из самой Сибири.

— Отвали! — огрызнулся я. — Среди братьев Цзи Сюэлина «двойных агентов» не бывает!

Я попытался сбросить его руку со своего плеча, но он вцепился намертво. Придвинувшись к самому моему уху, Гао Нин с горечью прошептал:

— Я же тебе добра желаю, дурак, понимаешь ты или нет? Только идиот поверит девчонкам. У них ни совести, ни чести. Сегодня ты для них бог, а завтра — последнее ничтожество... Хм...

Сердце кольнуло. Я вдруг понял, что нечаянно задел его старую рану, и она снова закровоточила. Те девицы из «банды Нина», которые сначала перевозносили его до небес, а потом втоптали в грязь, нанесли его гордости куда более глубокий удар, чем я предполагал. Он никогда не говорил об этом вслух, но, боюсь, не забудет до конца жизни — позже, в другой ситуации, я отчетливо почувствовал, сколько в его душе скопилось презрения и недоверия к женскому полу.

— Ладно, ладно. Буду паинькой, идет?

Не желая, чтобы Гао Нин и дальше изводил себя подозрениями, я повернулся и серьезно посмотрел ему в глаза. Когда речь идет о чем-то действительно важном, я предпочитаю видеть взгляд собеседника — так я могу быть уверен, что мои слова достигли цели.

Он просиял, и в его взгляде, словно в чистой родниковой воде, заплескалась радость. От этого веяло такой свежестью и искренностью, что даже просто смотреть на него было истинным удовольствием.

Я тоже улыбнулся, почувствовав в груди странный, почти детский трепет. Мне нравилось видеть Гао Нина таким — по-настоящему счастливым. Это маленькое, наивное чувство триумфа согрело: я знал, что именно я вернул ему эту радостную улыбку.

В секции тхэквондо Гао Нин чувствовал себя как рыба в воде. Я по-прежнему ходил на занятия

трижды в неделю, а он перенес все свои дополнительные уроки на вторую половину дня и пропадал в зале каждое утро. Успехи не заставили себя ждать — он прогрессирует так стремительно, что вскоре почти догнал меня. Даже придирчивый Цзюй Лэсин начал поглядывать на него с одобрением.

Шумный тренировочный зал манил Гао Нина куда сильнее, чем холодная пустота его огромного особняка. Он начал ныть, чтобы я составлял ему компанию каждое утро. Поразмыслив, что в остальные два дня я всё равно торчу у него дома, я согласился тратить и вторники с четвергами на тренировки. Но субботы и воскресенья — табу. В эти дни мама и папа были дома, и я ни на что не променял бы время, проведенное с ними.

Папа заправлял небольшой фирмой по торговле канцтоварами — штат всего-то десять человек. У мамы была официальная работа с хорошим окладом и кучей свободного времени, так что она потихоньку вела папину бухгалтерию.

Мама была женщиной удивительной души: невероятно домовитая, заботливая и деятельная. В будни она следила за тем, чтобы мы были накормлены и опрятно одеты, а в выходные устраивала генеральную уборку и глобальные набеги на супермаркеты. Папа в уборке помогать еще соглашался, но вот таскаться по магазинам ненавидел. Если только речь не шла о закупках к празднику, на десять маминих призывов он откликался от силы трижды. В остальные семь раз сопровождать ее приходилось мне.

Цзи Сюэинь, завидев, что я больше не убегаю на выходных гулять, а хвостиком хожу за мамой, тут же вцепилась в нас мертвой хваткой. Теперь она неизменно висела у мамы на левой руке, а у меня — на правой.

Правда, стоило дойти до тяжелых сумок, Сяо Инь тут же принималась махать платочком, изображая из себя медсестру на передовой, готовую утереть пот со лба «доблестного воина».

— Иди-иди, не путайся под ногами! С меня и сына хватит, — мама шуточно прогоняла притворщицу.

При виде счета за гору сладостей — батончики, сушеные кальмары, желе и жареный арахис — она недовольно ворчала: мол, отец опять будет попрекать за баловство. Но, глядя на два набитых доверху пакета, она лишь продолжала причитать, скорее по привычке, чем всерьез.

Сяо Инь за ее спиной строила мне рожицы. Я улыбался ей в ответ, прикидывая, как поудобнее подхватить поклажу, чтобы донести всё за один заход.

Дома работа кипела. Мама надевала фартук и принималась за стирку и смену постельного белья. Я тоже подпоясывался и шел драить полы или чистить вытяжку на кухне. Цзи Сюэинь с деловым видом елозила тряпкой по мебели в гостиной, косясь на телевизор...

Я знал: Сяо Инь притворяется «трудолюбивой пчелкой» только потому, что я люблю помогать

маме. Но даже в этом её маленьком лукавстве она казалась мне очаровательной — ведь в школе она строила из себя гордую принцессу, которая и к тряпке для доски не прикоснется.

Мне нравилось, что дом наполнен голосами и движением. Нравился густой, уютный аромат, плывущий из кухни. Нравилось видеть, как на вымытом мною полу проступает чистый рисунок дерева. Нравилось слышать мамин довольный голос: «Сынок, подсоби-ка, надо простыни расправить»... Пусть когда-то я потерял всё, сейчас я обрел это снова.

Мне не нужна роскошь или изысканность. Достаточно этой простой, честной жизни, чтобы чувствовать себя абсолютно счастливым. Я знал: многим детям повезло меньше. Кто-то растёт без отца, кого-то подкидывают дедушкам и бабушкам, кто-то живёт ненужным и нелюбимым. Даже если родители живы-здоровы, вон как у Гао Нина — какая же это жизнь, если ты вечно один?

В канун Нового года папа с сияющей улыбкой раздал нам пухлые красные конверты, а мама купила обновки. Мы всей семьей смотрели праздничный концерт, ели пельмени, а потом я потащил Сяо Инь на улицу — палить петарды и пускать фейерверки.

Когда мы вернулись, мама сказала, что звонил Вэй Ицзунь. Этот торопыга не вытерпел и начал всех обзванивать среди ночи. Я перезвонил, и мы немного поболтали. В конце этот простофиля наотрез отказался вешать трубку, пока я его не «чмокнул» на прощание.

— Совсем я тебя разбаловал, — проворчал я с улыбкой. — Год прибавил, а ума — ни капли!

Убедившись, что никто не смотрит, я отвернулся и тихонько чмокнул в трубку. Мой Чжуанчжуан на том конце провода едва не запрыгал от восторга.

Перед праздниками Гао Нин сообщил, что мать забирает его в другой город — они собирались вернуться только к пятому числу. И действительно, после малого Нового года он пропал. Я не спрашивал, поедут ли они к отцу: у семьи Гао полно дел и поместий, у богатых свои причуды.

Мы увиделись с ним уже после праздника Фонарей, перед самым началом семестра. Он вернулся черным как смоль — словно прекрасного принца окунули в чан с чернилами и только потом выловили. Гао Нин хвастался, что на Хайнане ловил морской бриз и нырял за рыбами, обретя некий «тропический шарм».

Что это за шарм такой, я не понимал, но, слушая его бесконечные рассказы, чувствовал: на душе у него беспокойно. Он привез нам кучу подарков, подарил Сяо Инь вкусностями и безделушками к её полному восторгу, но мне казалось, что сердце его осталось где-то там, далеко, и от этого мне было не по себе.